

УДК 342.77

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

А. И. Иванцова

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционных гарантий обеспечения прав и свобод человека в период особых (чрезвычайных) правовых режимов. Среди юридических нормативных гарантий важное место занимает установление пределов ограничения прав и свобод человека. Автором в основной части определяются их аспекты, и делается вывод о необходимости рассмотрения чрезвычайного положения и военного положения в качестве средств правового арсенала, обеспечивающих права и свободы личности при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, военное положение, конституция, права человека, гарантии.

Annotation. The article is devoted to the study of constitutional guarantees of ensuring human rights and freedoms during special (emergency) legal regimes. Among legal normative guarantees, an important place is occupied by the establishment of limits for limiting human rights and freedoms. The author, in the main part, defines their aspects, and draws a conclusion about the need to consider emergency situations and martial law as means of the legal arsenal that ensure the rights and freedoms of the individual in the event of emergency circumstances.

Keywords: state of emergency, martial law, constitution, human rights, guarantees.

Конституционной аксиомой является определение человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства [1, с. 39]. Ограничение прав человека в правовом государстве, как правило, имеет характер исключения из обычного режима нормативно-правового регулирования, допускаемого в том числе в период введения чрезвычайного положения (далее — ЧП) и военного положения (далее — ВП) в целях устранения угрозы безопасности государства, обеспечения правопорядка, прав и свобод других. Для правового регулирования соответствующего института эффективная система гарантий защиты прав и свобод человека является необходимым элементом. В науке конституционного права конституционные гарантии, по мнению В. Н. Кивеля, «являясь структурным элементом конституционно-правового статуса личности, представляют собой конституционно-правовую категорию в виде самостоятельного конституционно-правового института — систему условий, средств и способов (экономических, политических, социальных, юридических (процессуальных)), обеспечивающих каждому человеку правовые

возможности для реализации всех конституционных прав и свобод на современном этапе развития общества и государства» [2, с. 19].

Особый интерес для правовой науки имеют юридические гарантии, закрепленные в национальном законодательстве и обладающие ведущей ролью в правовом государстве. В Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) установлен универсальный в смысле распространения на законодательную, исполнительную и судебную власть принцип: ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ч. 1 ст. 23). Указанная конституционная отсылка к закону свидетельствует об отнесении к полномочиям законодателя определения границ допустимого ограничения прав и свобод личности. При этом такие ограничения будут удовлетворять требованию обоснованности при их применении для реализации исчерпывающего перечня целей, содержащихся в ст. 23 Конституции, а также учете «закрепленных в ней таких ценностей, как верховенство права, равенство и справедливость» [3, с. 221].

Согласно позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, ограничение прав должно строиться на вытекающих из конституции принципах справедливости и соразмерности, быть минимально необходимыми и достаточными для защиты государственных интересов, представлять собой безусловную потребность, реально и эффективно способствовать достижению конституционных целей» [4].

В рассматриваемом ракурсе ограничение прав и свобод человека представляет собой конституционное средство, используемое в повседневной жизни. Однако при введении в государстве ЧП и ВП оно может оказаться недостаточным, что обуславливает возможность использования особой меры, заключающейся в значительном дополнительном вторжении в права и свободы человека по сравнению с допускаемым в ст. 23 ограничением — институте приостановления прав, в соответствии с положениями ст. 63 Конституции. Он схож по содержанию и порядку осуществления вмешательства и аналогично может быть рассмотрен в качестве одной из нормативных юридических гарантий защиты прав и свобод человека.

Вместе с тем стоит учитывать основное отличие рассматриваемых институтов. Ограничения прав и свобод являются более точечными и, зачастую, носят персонифицированный характер вмешательства в правовой статус личности. В доктрине конституционного права оно рассматривается в качестве способа частичного ограничения прав и свобод, избегая их полной отмены. При приостановлении может происходить фактическое изъятие всего права, распространяющееся на неограниченный круг субъектов. Данный правовой

институт исключает возможность реализации определенных прав в полном объеме в период ЧП и ВП. Приоритет государственных интересов выражается в возможности применения в указанных обстоятельствах дополнительных ограничений, ограничений-запретов [5, с. 53; 6, с. 597].

Приведем некоторые примеры приостановления прав, установленные в конституционных положениях: возможность приостановления осуществления избирательного права предусмотрена посредством установленного запрета на проведение выборов в период ЧП и ВП (ч. 6 ст. 71 Конституции); право законодательной инициативы в некоторой степени может быть приостановлено в части предусмотренного ч. 2 ст. 139 запрета на изменение и дополнение Конституции Парламентом в период ЧП и ВП.

В качестве приостановления права на свободу объединений (ст. 36 Конституции) можно рассматривать запрет на организацию гражданами и участие в собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях, пикетировании и иных массовых мероприятиях (ч. 4 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении»), возможность запрещения создания или приостановления деятельности политических партий, иных общественных объединений, их союзов (ассоциаций) в случае нарушения ими законодательства о ВП (абз. 25, 26 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении») [7].

Свобода слова, закрепленная в ст. 33 Конституции, может быть приостановлена путем применения следующих чрезвычайных мер: ограничение свободы печати и других средств массовой информации; доступа к интернет-ресурсам, сетевым изданиям, новостным агрегаторам (абз. 11–12 ч. 1 ст. 11, абз. 3 ч. 1 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» [8]; абз. 34, 35 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении»); введение цензуры (абз. 9 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении»; абз. 3 ч. 1 ст. 13 Закона «О чрезвычайном положении»).

Правовая природа приостановления прав и свобод человека свидетельствует о возможности его применения исключительно при введении ЧП и ВП с соблюдением конституционных гарантий обеспечения прав и свобод. Важное место среди них отводится конституционному требованию, содержащемуся в ст. 63 о соблюдении пределов приостановления осуществления прав и свобод, определенных Конституцией и законом. Указанной конституционной оговорке корреспондирует ст. 23 Закона «О чрезвычайном положении», согласно которой чрезвычайные меры, применяемые в условиях ЧП и влекущие за собой ограничение (приостановление) установленных Конституцией Республики Беларусь, иным законодательством Республики Беларусь полномочий государственных органов, прав и свобод граждан, прав организаций, должны, во-первых,

осуществляться в тех пределах, которых требует создавшееся положение, во-вторых, соответствовать требованиям Конституции Республики Беларусь и ее международным обязательствам, вытекающим из договоров в области прав человека [8]. По нашему мнению, основные аспекты пределов ограничения (приостановления) прав и свобод человека в период введения ЧП и ВП определяются перечнем следующих теоретических положений:

1. Применяемые ограничения и приостановления прав и свобод человека должны соответствовать законодательно установленным временным и территориальным пределам, распространяться на определенную сферу или область жизнедеятельности общества и государства в зависимости от степени и характера возникших угроз.

2. Ограничения прав допустимы в общественно значимых интересах, определенных на конституционном уровне в ч. 1 ст. 23. Правомерность целей ограничения является составляющей конституционного порядка ограничения прав и свобод.

3. При применении чрезвычайных мер, ограничивающих (приостанавливающих) права и свободы человека, правовые нормы, устанавливающие порядок их реализации, не подлежат расширительному толкованию.

4. При применении чрезвычайных мер не могут затрагиваться абсолютные права, предусмотренные в ч. 2 ст. 63 Конституции. Среди них: право на жизнь и защиту от любых противоправных посягательств (ст. 24); запрет пыток, жестокого, бесчеловечного либо унижающего достоинство человека обращения или наказания, а также запрет проведения без согласия медицинских или иных опытов (ч. 3 ст. 25); презумпция невиновности (ст. 26); свобода совести (ст. 31).

5. В условиях ЧП применению подлежит законодательно установленный закрытый перечень чрезвычайных мер и временных ограничений (приостановлений).

6. Полномочия государственных органов и должностных лиц по обеспечению ЧП и ВП, в том числе при ограничении (приостановлении) прав и свобод, подлежат детальной законодательной регламентации в национальном законодательстве.

Таким образом, установление объективно обусловленных правомерных ограничений и приостановлений, пределы которых определены Конституцией и законом, призвано в качестве исключительной меры гарантировать и охранять наиболее важные, фундаментальные права и свободы личности, конституционные ценности и интересы государства. С данной точки зрения особые (чрезвычайные) правовые режимы следует рассматривать в качестве средств правового арсенала, обеспечивающих не только национальную безопасность, суверенитет

государства и правопорядок в нем, но и выступающих важнейшей гарантией обеспечения прав и свобод человека в чрезвычайных обстоятельствах путем конституционного установления целей и оснований их ограничения (приостановления), фиксации неотъемлемых прав и свобод, регламентации пределов такого ограничения.

1. Серeda P. A. Гарантии прав и свобод человека: понятие, уровни и отраслевая охрана (на примере Республики Беларусь) // Образование и право. 2016. № 3. С. 35–41. [Вернуться к статье](#)

2. Кивель В. Н. Теоретические проблемы конституционно-правового статуса личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2019. 49 с. [Вернуться к статье](#)

3. Краснобаева Л. А., Иванова Ю. И. Пределы и критерии ограничений прав и свобод человека // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., г. Новополоцк, 28–29 окт. 2016 : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. Новополоцк : ПГУ, 2016. Т. 1. С. 221–225. [Вернуться к статье](#)

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 6 июля 2021 г. № Р-1278/2021. Доступ из информ. правовой системы iLex. [Вернуться к статье](#)

5. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2018. № 1 (77). С. 50–54. [Вернуться к статье](#)

6. Шпаковский Ю. Г., Олейник В. В., Суворов И. А. Правовое регулирование ограничений прав и свобод населения при чрезвычайных ситуациях в период действия особых государственно-правовых режимов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. № 1. С. 593–602. [Вернуться к статье](#)

7. О военном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 янв. 2003 г. № 185-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.04.2024 г. № 363-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)